

© 2021

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук, главный научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук, Международный научно-исследовательский институт социального развития

(e-mail: socpolamv@mail.ru)

УСТОЙЧИВАЯ ОБЩЕСОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ПУТЬ К ПРОГРЕССУ

Дискуссионная статья посвящена фундаментальным вопросам будущего устойчивого прогресса. Принимая во внимание настоящие мировые вызовы, представляется целесообразным обращение к универсальной концепции системной устойчивости, свойство которой присуще тем или иным образом всем социальным практикам, а не только отражающим взаимодействия между обществом и окружающей средой. В соответствии с этой концепцией реалистичное проектирование институциональных изменений в увязке с ресурсными и организационно-поведенческими переменами, необходимыми для устойчивого развития, призвано происходить в русле системной общесоциальной трансформации.

Как следует из приведенной аргументации, переход к устойчивой общесоциальной трансформации реален в случае синергетического осуществления достижимых фундаментальных сдвигов.

Ключевые слова: устойчивый прогресс, социальная системная трансформация, институты, технологические, демографические и климатические изменения.

DOI: 10.31857/S020736760013405-4

Обращаясь к проблеме фундаментального социального прогресса, никак нельзя обойти вниманием нынешнюю общемировую кризисную ситуацию, вызванную грянувшей смертельной эпидемией коронавируса. Она оказалась сопряжена с наступлением продолжительной экономической рецессии, утвердившейся вследствие принятых стабилизационных мер, особенно снижения процентных ставок. Еще более значимы неэкономические последствия эпидемии, проявившиеся в дезактивации всех сфер социальной жизни в большинстве стран.

Несомненно, после завершения острой фазы настоящего мирового кризиса необходимость взаимосвязанного разрешения сгустившихся сложных социальных проблем еще более усилится. Достижение экономической и финансовой стабилизации призвано сопровождаться кардинальным улучшением состояния социальных секторов практически во всех странах посредством эффективных и неизбежно грандиозных инвестиций. Здравоохранение, заметим, только один из этих секторов.

Давно доказано, что для разрешения взаимосвязанных социальных проблем не достаточно только экономического роста, который может быть сопряжен с усилением социального неравенства и антидемократическими переменами. Необходим по настоящему общесоциальный прогресс, обусловлен-

ный в равнозначимой степени экономическими (рыночными) и внеэкономическими драйверами, взаимно дополняемыми друг друга. Такова широко признанная на международном уровне позиция, в практическом плане выразившаяся во всеобъемлющей интеграции различных измерителей прогресса развития современных стран [1, 2].

Взаимосвязанное разрешение крайне значимых проблем, в их числе экологических и климатических, для достижения общесоциального прогресса возможно исключительно на основе интегративного подхода. В конечном итоге, исходя из получившего всеобщее признание императива обеспечения надежного существования нашей планеты.

Исходя из реформистских позиций (например, [3]), имманентная черта желаемого развития общества состоит в его всеобщем прогрессе, который может быть определен как устойчиво поддерживаемый (sustainable). Он характеризуется экономическими, политическими, статусными, экологическими, климатическими и другими количественными и качественными параметрами, которые полагаются устойчивыми в соответствии с принятыми представлениями в ходе развития общества. В первую очередь с хорошо известными императивами устойчивого развития (УР), представленными в одобренной ООН интегративной рамочной концепции Повестка2030 или просто Повестка [4]. Для достижения этих императивов необходимо принимать в расчет весь ряд процессов экономических и иных социальных изменений, связанных с фундаментальными, не краткосрочными, структурными сдвигами [5, 6].

Кратко о существующем исследовательском заделе непосредственно по теме работы. До настоящего времени большинство исследователей опирается на хрестоматийную модель «трех подушек» устойчивости (sustainability) — экологической, экономической и социальной, обстоятельно представленной в неисчислимом количестве публикаций, в их числе недавних (например, [7]). Бесспорно, эта концептуальная модель послужила базой для плодотворных конкретных исследований по отдельным направлениям УР и их синтеза. Однако она представляется недостаточной в свете сегодняшних мировых вызовов, когда возникла потребность в заведомо комплексных исследованиях.

В известной мере в качестве альтернативной выступает теоретическая модель социальной устойчивости [8–10]. Суть этой модели заключается в обосновании социальной устойчивости как драйвера экологической и экономической устойчивости. Такая холистическая методология имеет заведомо ограниченное применение, поскольку в расчет не принимается имманентная автономность многих важных процессов экономических, технологических и других перемен.

Непосредственно к публикациям в русле социальной устойчивости прилегают исследования социально-экологических систем (SES). По-видимому, главным достижением на этом направлении стало формирование рамочной

концепции SES [11–13]. Она позволяет, по выражению Элинор Остром [12], перекинуть мост между биофизическими и социальными научными исследованиями. Более того, методология, основанная на данной концепции, достаточно давно используется в технологии экологического проектирования, во всяком случае, в скандинавских странах [14]. Однако область применения этой методологии представляется заведомо ограниченной, поскольку в большинстве случаев успешное функционирование SES возможно при внешних благоприятных условиях, рыночных (финансовых) и прочих.

Теоретическая точка зрения, которую разделяет автор, совпадает с позицией сторонников идеи универсальной устойчивости [15, 16]. Основанный на ней концептуальный подход позволяет в полной мере охватить в целом взаимосвязанные процессы устойчиво воспроизводимых изменений в обществе. Уместно отметить, что такой подход согласуется с конкретными интегративными исследованиями устойчивого развития по его основным взаимосвязанным областям в наступающую эпоху цифровизации, которые недавно были выполнены [17–20].

Не ставя под сомнение огромную роль текущих конъюнктурных изменений, в конечном итоге долговременные направления развития экономики и всего общества определяют фундаментальные сдвиги. Рассмотрение феномена фундаментальных сдвигов в их целостном единстве во времени и пространстве становится возможным на базе трансформационной парадигмы. Недавние изыскания подтверждают это предположение [21, 22].

Устойчивый прогресс в русле общесоциальной системной трансформации: теоретическая основа и методология. Обратимся сразу к понятию социального прогресса. Следуя позитивистскому мировоззрению в духе Конта, под ним понимаются постоянные, поступательные улучшения во всех сферах социальной жизни. Такое понимание прогресса, стоит добавить, несовместимо с известными утопическими представлениями о возможности достижения идеального общественного устройства, означающего «конец истории».

Для представления реалистичной картины общесоциального прогресса резонно обратиться к фундаментальной теории трансформации социальных систем [23–26]. Следуя этой теории, ни экономические изменения, ни изменения другого социального типа не правомерно рассматривать изолированно в контексте исследования трансформации общества. В конечном счете ее реальную картину выражают системные социальные перемены, одновременно проявляющиеся во взаимодействиях экономических (рыночных) агентов, политических игроков и акторов на других аренах общественной жизни.

Трансформация социальной системы в традиционном (узком) ее понимании охватывает основные поля социальных действий: экономическое, политическое, статусное и отчасти культурное, характеризующиеся наличием определенного институционального устройства и ресурсного обеспечения. В то же

время необходимо принимать в расчет, что социальные изменения на институционально структурированных полях неизбежно сопровождаются в значительной мере не институционализированными процессами технологических, демографических и климатических изменений.

Тем самым социальная системная трансформация происходит в итоге взаимодействия разнородных эндогенных институциональных/ресурсных сдвигов, как и многообразных экзогенных процессов, таких как изобретение принципиально новых технологий и перемена циклов солнечной активности.

Нельзя пройти мимо следующего принципиального момента. Социальная системная трансформация не представима без обеих неотъемлемых и взаимосвязанных фаз ресурсного оборота: производства и потребления ресурсов, с одной стороны, распределения и перераспределения ресурсов, в их числе капитала и доходов, с другой. Только в случае принятия в расчет обеих сторон медали становится достижимым понимание феномена именно трансформации социальной системы.

Достаточно понятной выглядит интерпретация устойчивого общесоциального прогресса в русле процесса системной трансформации. Исходная посылка системной трансформационной концепции прогресса заключается в перманентном изменении производственных, личных и общественных потребностей, исходя из достижимых новых ресурсных, институциональных и технологических возможностей, ожидаемых демографических и климатических перемен [27]. Такого рода реально исполнимые потребности, в свою очередь, предопределяют будущий структурный/мультисекторный вектор желаемого выпуска на экономическом пространстве, призванного корреспондировать с желаемым вектором распределения его результатов, как и вектор желаемых долгосрочных сдвигов на других полях социальных действий в процессе трансформации. Они непосредственно выступают объективными ориентирами фундаментального развития социального макроса как целостной системы, в ходе которого при обеспечении необходимых условий могут произойти трансформационные преобразования по пути устойчивого прогресса.

Следует иметь в виду: гипотетическая возможность заключается в достижении траекторий устойчивой общесоциальной системной трансформации, непосредственно отвечающей критериям оптимальности. В соответствии с этими критериями могут быть выбраны оптимальные трансформационные траектории, которые предполагают выполнение разнообразных условий системной устойчивости как целенаправленно полагаемых ограничений¹.

Конечно, у всех на виду пример многих успешных компаний-лидеров (в их числе некоммерческих) на мировой арене. Он убеждает в возможности

¹ Заметим, такая интерпретация оптимального долгосрочного развития в русле идеологии современного корпоративизма по существу представлена в официальных докладах Всемирного экономического форума за последние годы. Схожей позиции придерживается и Мировой совет предпринимателей за устойчивое развитие.

достижения оптимальных результатов, удовлетворяющих условиям системной устойчивости, самими рыночными и социальными предпринимателями в результате их инициативных решений. Однако на многих экономических и социальных сегментах эта возможность мало достижима. Главная причина состоит в отсутствии весомых мотиваций со стороны огромного множества рыночных и социальных агентов к достижению оптимальной устойчивости в условиях сохранения высокого риска и неопределенности, обусловленных как многообразными институциональными несовершенствами, так и проявлением фактора силы и прочих негативных побочных эффектов. Наряду с этим значительны возможности получения выгоды посредством рентоориентированного или оппортунистического поведения.

Как следствие, лобовое применение на макроуровне критериев оптимальности для выявления будущих устойчивых траекторий структурных трансформаций может принести заведомо искаженные реальные результаты. Резонно ожидать воспроизведение неприемлемого разрыва в динамике «прибыльных» и остальных секторов. В частности, на экономическом поле он, вероятно, выразится в гипертрофированном росте ряда коричневых секторов в ущерб социальному благополучию и экологии, притом способствующий дальнейшему ухудшению климата.

Возникает очевидный вопрос: как обеспечить институциональные и другие условия для выполнения сдвигов к оптимальным рубежам общесоциального развития как системной трансформации, притом в русле устойчивого прогресса?

По всей видимости, на него пока нет исчерпывающего ответа. В соответствии с современными научными представлениями существующие институциональные механизмы, в их числе механизмы рыночной, социальной и политической контрактации, заведомо недостаточны для полного согласования интересов основных субъектов. То же самое касается применения инструментов монетарной, финансовой и налоговой политики, как и других инструментов экономической и социальной политики.

В настоящий период мирового развития сохраняется высокий риск провалов отдельных рынков, кризисов многих национальных экономик и в целом глобального финансового кризиса. Так же как и социальных потрясений, экологических катастроф, коллапсов политических режимов. Можно утверждать, что большинство национальных правительств поставлены перед необходимостью сокращения этого риска. Выход из положения состоит в целенаправленном поддержании нормального тренда, без длительных рецессий, бумов и кризисов, национального развития в русле общесоциальной системной трансформации.

По-видимому, настала пора перейти от практики стабилизационных и стимулирующих решений по их очень разнородным направлениям к консолидированной общественной регуляции, направленной на обеспечение

сбалансированного и постоянно поступательного развития определенных стран и снижение риска дестабилизации и регресса. В пользу такой новой постановки свидетельствует нынешний международный опыт, прежде всего в ЕС.

Для понимания обозначенной новой стадии развития современных стран представляется целесообразным воспользоваться идеей универсальной устойчивости, притом применительно к системной трансформации всего общества. Следуя такому подходу, неотъемлемым атрибутом желаемого развития общества как всеохватывающей социальной системы выступает устойчивая системная трансформация.

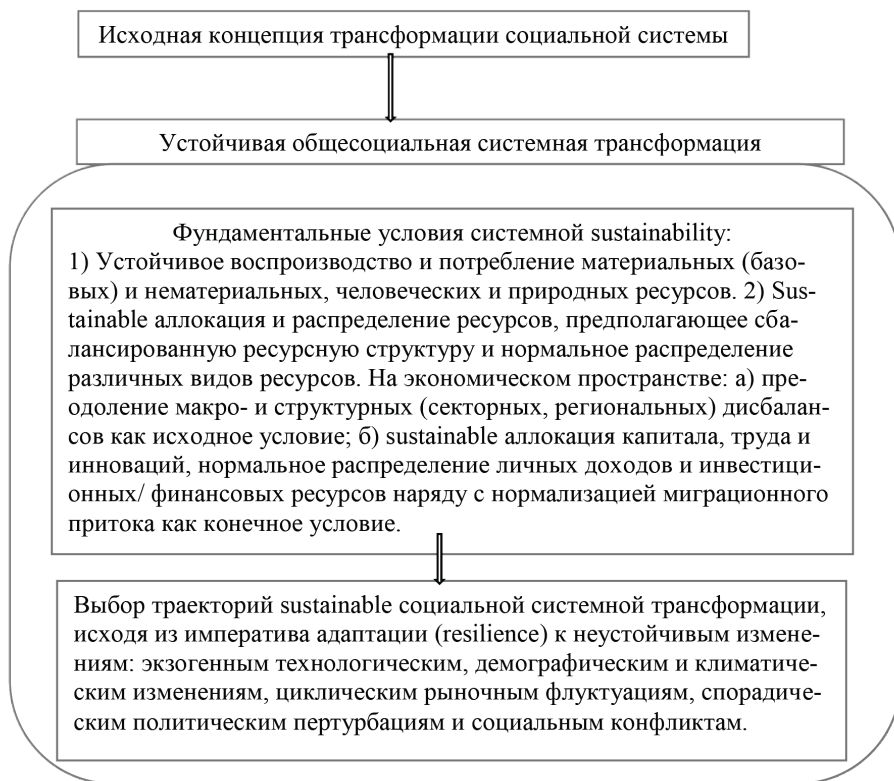
Исходя из сказанного, вполне логично обращение к универсальной концепции системной устойчивости, хотя бы в ее существующем эскизном варианте [15, 16]. В соответствии с этой концепцией свойство устойчивого воспроизводства присуще в той или иной мере всем социальным практикам, а не только опосредствующим взаимоотношения общества и его окружающей среды. Тем самым обоснованным выглядит распространение критериев устойчивости применительно к трансформации всей социальной системы и ее основных подсистем: экономической, статусной, политической. Иначе говоря, имманентным признаком устойчивого развития как трансформации выступает нормальность/приемлемость результатов фундаментальных изменений, ресурсных и институциональных, на основных полях социальных действий. Социальное развитие по такой траектории в полной мере, стоит заметить, соответствует прагматической идеологии Новой Нормальности, получившей признание в послекризисный период десятилетий.

Фундаментальные основы устойчивости общесоциальной системной трансформации. В операционном плане в идентификации нуждаются сами условия универсальной устойчивости через квантифицируемые ресурсные индикаторы. По нашему представлению, правомерно сформулировать два объединяющих и взаимообусловленных условия ресурсной устойчивости в рамках всей социальной системы (рис. 1).

Первое из этих условий состоит в устойчиво поддерживаемом, по существу, рациональном производстве и потреблении существующих основных ресурсов — материальных и нематериальных, человеческих и, конечно, природных. В первую очередь, исходя из признанных целевых ориентиров устойчивого развития в соответствии с Повесткой. В дополнение к этому в дальнейшем, по всей видимости, станет целесообразным инкорпорирование дополнительных целевых ориентиров, предопределяющих траектории устойчивого воспроизводства и потребления ресурсов в их расширяющемся составе.

Второе условие касается аллокации и распределения ресурсов. Оно предполагает сбалансированность ресурсной структуры и нормальность распределения определенных видов ресурсов на всех уровнях системной иерархии в соответствии с существующими критериями. Применительно к экономическому полю

рассматриваемое условие означает сбалансированность основных ресурсных, материальных и финансовых потоков наряду с нормальным распределением капитала и труда и, как следствие, доходов в секторном и региональном разрезах. Также предполагается нормализация внутреннего и внешнего миграционных потоков.

**Рис. 1. Устойчивая общесоциальная системная трансформация:
концептуальный взгляд**

Принципиально важно, что такая трансформация призвана удовлетворять императиву адаптации (выносливости) к возможным неустойчивым переменам [28]. В первую очередь, к ожидаемым технологическим, демографическим и климатическим изменениям в той мере, в какой они выступают в качестве экзогенных факторов в отношении трансформации всей социальной системы и ее основных составляющих. Кроме того, нельзя не принимать в расчет наличие огромного числа процессов нестабильных и заведомо колебательных изменений, обусловленных циклическими рыночными драйверами, спорадическими политическими пертурбациями и многообразными социальными конфликтами. Проблема нейтрализации влияния нестабильности в будущем

станет центральной в ходе принятия стратегических решений и реализации механизмов для нейтрализации возникающих рисков [22].

Ключевой вопрос заключается в обеспечении эластичной адаптации к новым технологиям во всей обозримой перспективе [29, 30]. Как свидетельствуют многочисленные факты, применение ряда новых технологий, в их числе цифровых технологий, в принципе не отвечает критерию экономической стабильности. Вполне вероятен шоковый эффект развития отдельных рынков, где эти технологии внедряются. Так, согласно недавним резонансным исследованиям [31, 32], последствия новой автоматизации, роботизации и применения технологий, базирующихся на искусственном интеллекте, скажутся весьма жестко на рынках труда. Произойдет замещение человеческого труда по многим направлениям рутинной деятельности при порядковом увеличении численности высококвалифицированного персонала нового времени, отличающегося интеллектуальными способностями самостоятельного анализа, критическим мышлением и умением неформального решения конкретных задач.

Судьбодонсная проблема занятости в условиях разворачивающейся автоматизации и цифровизации абсолютно неразрешима только на рыночной основе. Безальтернативный императив заключается в кардинальном росте занятости в социальных секторах. Количество занятых в ряде секторов (образование, здравоохранение и социальная работа), где появится обширная территория для использования технологических инноваций в качестве социальных благ, может значительно возрасти в двадцатые годы [33]. Также можно надеяться на значительный рост работающих, в том числе интеллектуалов, в нерыночном экологическом секторе, охватывающем множество различных видов деятельности.

На основе сформулированных критериальных условий универсальной устойчивости, включая императив выносливости, становится правомерным выбор дальнейших траекторий общесоциальной системной трансформации. Решающее значение приобретает позиционирование во времени и пространстве институциональных и одновременно ресурсных трансформационных сдвигов с учетом влияния внешних экзогенных факторов (технологических, демографических и климатических перемен) и институциональных/ресурсных изменений на "смежных" полях социальных действий. В результате становится достижимым адекватное отражение интегративной трансформации всего вектора состояния социальной системы, исходя из императивов универсальной устойчивости.

В то же время имеет смысл акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. Желаемая трансформация общества в полной мере не исчерпывается процессами проектируемых устойчивых изменений. Она может включать в себя процессы более прогрессивных перемен, выступающих результатами инициативных решений сугубо рыночных агентов и социальных предпринимателей

при условии сохранения в целом устойчивого развития на основных полях социальных действий. Правомерно полагать, что вследствие таких решений в будущем траектории трансформации экономических и социальных секторов будут в возрастающей степени отвечать признанным критериям. В первую очередь в качестве них выступают критерии повышения благосостояния/благополучия в широком его понимании, в полной мере с учетом состояния среды человеческого обитания, отражается индексами качества жизни и человеческого развития, также как и индекс счастья (субъективного благополучия). Наряду с этим, следуя реалистической исследовательской позиции, о прогрессе в ходе системной трансформации резонно судить и по критерию рациональности и эффективности движения капитала (включая природный капитал) в его различных формах, принимая во внимание взаимоотношения между поколениями [34].

Таким образом, представляется правомерным двух "этажное" сферическое позиционирование процесса устойчивой общесоциальной трансформации (SOST). Сначала он проистекает в сфере стабильного развития и только затем в сфере ускоренного прогрессивного развития. В этом, по существу, состоит субстанциональная идея обеспечения общесоциального прогресса с его экономической и другими составляющими на фундаменте устойчиво воспроизводимой трансформации.

Долгосрочное воспроизводство системной sustainability предопределяет предпочтительность стабильных и плавных долгосрочных траекторий трансформации на основных полях социальных действий. Их имманентная черта заключается не в хаотично порывистом, а в устойчиво поступательном движении к достижимым рубежам, базируясь на выявленных возможностях.

В жестких современных реалиях в отношении национальных интересов отдельных стран императив устойчивости в первую очередь означает гарантию сохранения приемлемого уровня и качества жизни и в целом социального благополучия. Это достижимо посредством взаимодействия всех общественных сил, включая корпоративный и иной бизнес. Так, трудно поставить под сомнение потенциально огромный вклад, который может внести корпоративный бизнес в достижение императивов устойчивости [35]. Об этом свидетельствует хотя бы весомый позитивный эффект инициативы Микрософт, а вслед за ним ряда других высокотехнологичных гигантов по применению зеленых технологий и одновременно отказ от использования "коричневых" ресурсов. Но главная ответственность в постоянном обеспечении приемлемости результатов национального развития однозначно лежит на государстве.

Наконец, стоит акцентировать внимание на следующем обстоятельстве. Представленный концептуальный подход исходит из необходимости совершенствования информационной базы конкретных исследований долгосрочных трансформаций по основным взаимосвязанным направлениям,

к которым могут добавиться новые². Оно объективно выступает предваряющим этапом для исчерпывающего представления трансформации социальных систем различных стран в будущем через призму универсальной устойчивости.

Достижимость перехода к устойчивой трансформации общества. Важнейшей предпосылкой перехода к устойчивой общесоциальной трансформации выступает технологический прогресс, характеризующийся ранее абсолютно невероятным потенциалом научных и технических достижений. Согласно оптимистичному прогнозу на ближайшее десятилетие, проблема их применения в конкретных экономических и социальных секторах может быть успешно разрешена благодаря общим усилиям инноваторов, обычного бизнеса и, конечно, государства в содружестве с общественными организациями. Особо весомые надежды резонно возлагают на масштабную и одновременно избирательную инновационную политику, успешно активированную в Китае, Японии и в ряде европейских стран.

В результате будет достигнут грандиозный глобальный эффект распространения новых технологий в наступающий период, называемый четвертой промышленной революцией или цифровой революцией. Он выразится в общемировом инновационном/технологическом прогрессе, затрагивающем большое число стран далеко за границами индустриального мира. По оценкам, превалирующая тенденция инерционного развития мировой экономики будет переломлена уже в ближайшие годы.

Вполне объяснимо, по широко распространенному мнению, цифровая революция рассматривается в качестве самостоятельного драйвера устойчивой трансформации всего общества [18]. Последствия этой революции выразятся в грандиозных подвижках на поприще УР в очень многих видах деятельности, например, в городском и сельском благоустройстве.

Беспрецедентные технологические перемены призваны быть дополнены явными дискретными, спрессованными во времени сдвигами, взаимосвязанными ресурсными и институциональными, в ходе общесоциальной системной трансформации самых разных стран. В ближайшем будущем (конечно, после преодоления мировой Пандемии) оптимисты могут надеяться на целый ряд грандиозных позитивных метаморфоз в основных регионах мира [27].

Как следует из теории социальной трансформации, достижение устойчивого состояния социальной системы предполагает ее субстанциональное качественное изменение во времени и пространстве относительно исходного состояния. Такой переход неизбежно сопряжен с соотносительными

² Выделяют шесть таких направлений: 1. Образование, гендерные проблемы и неравенство; 2. Здоровье, благополучие и демография; 3. Замена углеродов как энергетических ресурсов и устойчивая индустриальная деятельность; 4. Устойчивое потребление пищи, земли, воды, ресурсов океана; 5. Устойчиво функционирующие города и общины; и, наконец, 6. Цифровая революция в разрезе устойчивого развития.

переменами корневых институтов собственности и координации, основных ресурсных, ценовых и финансовых пропорций, как и организационных механизмов в ходе макро-, структурных и социальных реформ. Одновременно эти обозначенные системные сдвиги призваны выступать драйверами реализации конкретных императивов SD в соответствии с Повесткой.

Было бы недальновидно преуменьшать многогранную сложность проблемы перехода к устойчивой общесоциальной трансформации (SOST). Исходя из системного представления общесоциальной трансформации, он в полной мере не достижим без кардинальных перемен на национальном, как и на наднациональном уровне.

Следует иметь в виду: возможности рассматриваемого перехода сильно дифференцируются по разным группам стран. Они вполне подготовлены в анклав передовых стран (таких как Швейцария, Норвегия, Дания). Здесь, по оценкам ОЭСР [36], достижение принятых императивов SD по большинству направлений фактически имело место или вероятно произойдет наряду с обеспечением внутрисистемной сбалансированности, макро, секторной, региональной.

Кроме того, в целом ряде других стран возникли серьезные предпосылки для достаточно скорой реализации многих императивов УР. Россия — одна из таких стран [37, 38].

Однако в целом, по всей видимости, для рассматриваемого Перехода в большинстве развитых (индустриальных) стран, включая пост развивающиеся и после социалистические, потребуются продолжительные и неизбежно дискретные сдвиги. Основная причина обусловлена наличием глубоких структурных разрывов в основных рыночных и социальных секторах, а стало быть, и на системном уровне [39].

В контексте сказанного все более актуализируется вопрос об отличиях развитых рыночных экономик (АЕ) от национальных экономик с развивающимися рынками (ЕМЕ), которые утвердились в большинстве постразвивающихся и послесоциалистических стран в отношении возможности приближения к устойчивой системной трансформации.

Хорошо известны серьезные изъяны ЕМЕ, исходя из критериев устойчивого воспроизводства. Речь идет о долговом бремени во многих постразвивающихся странах, неприемлемо резком усилении дифференциации доходов/имущественного неравенства и соответствующем увеличении контингента полубедных невзыскательных потребителей, инфраструктурных и институциональных барьерах к внедрению передовых экологических и социальных стандартов [40]. Нельзя обойти вниманием и сохраняющиеся во многих ЕМЕ тенденции рыночного развития в ущерб окружающей среде и в целом социальному благополучию. Красноречивый пример тому — неимоверный размах «коричневого» строительства в России.

Вместе с тем в отношении перспективы развития в наступившее десятилетие резонно принимать в расчет весомые конкурентные преимущества ЕМЕ в виде относительно меньших издержек, включая оплату труда, и относительно более высокой доходности инвестиций [41]. Исходя из анализа фактических тенденций [42, 43], резонно высказать следующее предположение: в случае общемировой стабилизации после спада Covid-19 в весьма близкой перспективе произойдет сближение обеих конгломератов стран по уровню качества рыночных институтов, инфраструктурному обеспечению и других ключевым параметрам состояния национальных экономических систем. Тогда станет вполне осуществимым преодоление разрыва между АЕ и ЕМЕ в степени достижения императивов устойчиво воспроизводимого развития. Правда, эта возможность в решающей мере зависит от принимаемого политического курса стран с развивающимися рынками.

Гораздо более пессимистична перспектива желаемого перехода применительно к большинству развивающихся стран. Их положение характеризуется глубокими изъянами, особенно в отношении социальных секторов [36]. Навряд ли будут преодолены и через 10 лет. Тем более, не будут достигнуты целевые ориентиры, соответствующие Повестке; желаемым результатом в период двадцатых выступает кардинальное сокращение отрыва от этих рубежей и только в последующем десятилетии, по-видимому, встанет вопрос о переходе к устойчивой общесоциальной трансформации.

Исходя из системного представления всеобщей социальной трансформации, в любой стране утверждение SOST в полной мере реально только в том случае, если наднациональные экономические, геополитические и статусные преобразования будут происходить в соответствии с условиями устойчивости. На глобальном, мультирегиональном и национальном уровне призвано произойти утверждение именно устойчиво поддерживаемого экономического порядка в качестве доминантного. Он предполагает беспрепятственный стабильный торговый режим, как и стабильные режимы международного движения капитала в его разных формах и рабочей силы, действующие на базе согласованного применения глобального, регионального и национального законодательств.

Можно предполагать, что на мировой арене, по крайней мере, три группы стран будут сопоставимы по рыночному потенциалу: 1) США, Британия и остальные страны с сохранившимся превалирующе капиталистическим институциональным укладом; 2) Китай, Индия, Россия, Индонезия и ряд других не западных стран; 3) страны континентальной Европы, а также Япония и Канада. Наряду с этим высоко весомой останется роль региональных экономических союзов, в которые входят другие страны.

Наряду с этим столь же важно достижение устойчивого мирового политического порядка. Он предполагает, что фактор военного/ державного потенциала перестанет играть доминантную роль в мировом балансе сил в результате

распространения эффективных превентивных вооружений (термоядерных гиперзвуковых, нейтронных и др.) в большинстве стран. Моногегемония, как и сверхдержавная дуополия (США и его ближайших союзников, с одной стороны, и Китая и России, с другой), безвозвратно уйдут в прошлое. Желаемая стабильность на геополитическом пространстве будет обеспечиваться благодаря созданию специальных институциональных и организационных механизмов и безоговорочному применению международного правового режима [44].

Достижение устойчивой трансформации на геополитическом пространстве в наступающую эпоху цифровизации, вероятно, проявится в давно предсказанном сдвиге. Политическая элита будет в значительной мере пополняться за счет высшего менеджмента в инновационном и высокотехнологичном секторах, а также в секторах зеленой экономики.

Огромное значение, хотя и до сих пор недооцениваемое, имеет поддержание устойчивого статусного порядка на национальном и наднациональном уровнях. Его интегративным критериальным условием, следуя признанным представлениям, выступает справедливое распределение благосостояния в широком его понимании (включая потребление природных и культурных благ, получение образования) между всеми поколениями сограждан при постоянном повышении качества их жизни и достижении надежной социальной сбалансированности.

Устойчивая трансформация рассматриваемого рода призвана быть сопряжена с постоянными позитивными улучшениями статусной структуры, в первую очередь с неуклонным усилением позиций среднего класса и особенно страт квалифицированных специалистов и независимых, действительно инклюзивных предпринимателей. Тогда в случае параллельного формирования устойчивого экономического порядка будет происходить позитивное обновление состава высших статусных групп.

К настоящему моменту, по-видимому, назрела потребность в разработке практически реализуемой модели перехода к SOST применительно к передовым странам, хотя и достижимого не в полной мере *вследствие* вероятного сохранения крайней весомости внешних, глобальных и региональных, неустойчивых процессов. Реализация этой модели предполагает достижение синергетического взаимного дополнения происходящих системных трансформационных сдвигов и целенаправленных долгосрочных политических решений.

Достаточно понятным представляется экономический срез такого рода модели, разрабатываемой на основе максимально полной информации и учитывающей секторные и региональные структурные сдвиги (рис. 2). В качестве исходных задающих параметров рамочной модели перехода выступают принятые выборочные целевые ориентиры устойчивого производства и потребления ресурсов. Они дополняются принятыми условиями сбалансированной аллокации ресурсов относительно основных факторов выпуска (производительного капитала, труда и инноваций), как и условиями нормального распределения доходов

и капитала / финансовых ресурсов в рамках всей экономической системы. Эти условия, стоит уточнить, предполагают достижение не только макроэкономической стабильности, но и секторной и региональной сбалансированности.

Рис. 2. Контурная рамочная модель регулируемого перехода к устойчивой общесоциальной трансформации

Обоснованной выглядит позиция ряда исследователей [45, 46], согласно которой по экономическим секторам устойчивый выпуск правомерно полагать соответствующим хорошо известному показателю долгосрочного потенциального выпуска. В отношении длительной перспективы он рассчитывается с учетом реальных рыночных характеристик (в их числе неполной эластичности заработной платы, относительной жесткости цен и др.), исходя из трех основных условий. Во-первых, нормальной загрузки производственных мощностей и использовании материальных ресурсов; достижении достаточного уровня технологических инноваций и институциональных улучшений (отражаемого через показатель TFP); в-третьих, приемлемой динамики инфляции и состоянии рынков труда с точки зрения занятости³ (например, [47, 48]).

³Уместно особо обратить внимание на принципиальное отличие этого индикатора от традиционного макромонетарного индикатора потенциального выпуска, длительное время используемого в аналитической деятельности различных Национальных банков (например, [51]). Циклические колебания спроса и цен, в современных условиях носящие заведомо краткосрочный характер, не выступают определяющим фактором долгосрочного потенциального выпуска, динамика которого обусловлена фундаментальными переменными.

Также в процессе моделирования такого рода могут быть учтены макроэкономические и другие дисбалансы [49, 50].

Наряду с этим, исходя из самого смысла представленной модели, устойчивый долгосрочный потенциальный выпуск призван соответствовать целям и целевым ориентирам УР. В практическом плане это условие, по крайней мере, частично выполняется в случае согласования проектировок секторного выпуска с предполагаемыми агрегированными показателями энергоемкости и других видов ресурсоемкости, непосредственно связанных с нормативными императивами УР. Такая процедура, стоит подчеркнуть, продуктивна именно в секторном разрезе.

Гораздо более проблематичным представляется обоснование условий нормального распределения. Правомерность нормативного задания желаемых уровней коэффициента Джини и других индикаторов распределения доходов и капитала вызывает большие сомнения в силу информационных ограничений. На пути реализации такого нормативного подхода особенно трудно разрешимая задача заключается в достоверной оценке последствий углубления дифференциации оплаты труда ([52]), которая определенно усилится в наступившее десятилетие цифровизации.

Более гибкий и прагматичный подход состоит в определении диапазонов индикаторов устойчивого распределения доходов и капитала, исходя из влияния этих процессов на экономический выпуск и его основные факторы [53, 54]. Основным критерием выступает стабильно позитивный знак этого влияния, оцениваемого на основе фактически сложившихся тенденций. Вместе с тем, по видимому, итоговые результаты этих секторных проектировок призваны в первом приближении корреспондировать с сугубо макропрогнозами распределения (неравенства) доходов и капитала, как и изменения социальной статусной структуры по соответствующим странам на длительную перспективу.

Правда, стоит заметить, до настоящего момента взаимосвязи между переменными выпуска и распределения слабо исследованы. Можно отметить только несколько недавних исследований [55-57]. Определенно требуется интенсификация исследовательских усилий в этом направлении с участием коллективов международных организаций.

Также неотъемлемыми «входными» параметрами модели являются векторы как текущих стабилизационных (монетарных, финансовых и др.), так и долгосрочных реформаторских решений. Последние, в частности, касаются стимулирования развития зеленой экономики посредством создания новых рабочих мест.

Бесспорно, политические решения призваны исходить исключительно из реальных возможностей. А они в очень существенной мере определяются экзогенными технологическими переменами, демографической/миграционной ситуацией и влиянием климатических факторов. В конечном итоге могут быть

выбраны наиболее вероятно выполнимые сценарии среди возможных альтернатив, следуя практике экспертного консенсуса (например, [58]).

Таким образом, представляемую модель можно отнести к отчасти нормативной и не оптимизационной. На ее основе призван осуществляться выбор сценария наиболее вероятного перехода к нормальному/сбалансированному долгосрочному национальному развитию в будущем, исходя из сегодняшних представлений.

Вместе с тем в процессе выбора траекторий устойчивой трансформации отдельных секторов возникает выявление их возможного дополнительного роста в результате предполагаемых оптимальных предпринимательских и потребительских решений в русле признанных теоретических представлений. С этой целью однозначно плодотворным выглядит обращение к поведенческим субъектным моделям (*agent-based models*). Следуя недавним исследованиям [59, 60], применение этих моделей позволяет оценить эффект оптимизации решений рыночных и социальных агентов, предопределяемый благоприятной внешней устойчивой средой.

Принципиальный вопрос касается возможности интегративного исследования УР как трансформационного процесса и на этой основе реализации долгосрочной стратегии. До настоящего времени в широких общественных кругах широко распространено мнение в пользу необходимости первоочередного разрешения климатической угрозы и других “горящих” проблем, а затем только применения существующего арсенала моделей и методов для достижения других признанных императивов УР. По нашему мнению, справедлив следующий контраргумент: улучшение состояния окружающей среды и относительная климатическая стабилизация зависят от ожидаемого интегративного последствия позитивных трансформационных сдвигов во всех областях социальной деятельности. В то же время сказанное, конечно, не ставит под сомнение исключительную значимость государственной политики непосредственно в области экологии и стабилизации климата, объективно реализуемой в относительно автономном режиме.

Также фундаментальная проблема состоит в альтернативе выбора критериев устойчивости или оптимальности для оценки результатов общесоциальной трансформации. Апробация оптимизационных макроструктурных моделей может принести хорошо интерпретируемые результаты в отношении будущего распределения ресурсов и доходов. Однако эти оптимистичные результаты представляются слишком ненадежными, по крайней мере, в силу двух очень весомых причин. Во-первых, крайней неопределенности задания изменений во времени как ограничений, отражающих условия устойчивого потребления ресурсов, так и существующих рыночных и внеэкономических ограничений. Во-вторых, фактической недостаточности информации для оценки риска последствий нарушений принятых ограничений, принимая во внимание огромные

масштабы заведомо не оптимальной деятельности экономических и других социальных агентов. Как следует из нашего изыскания, целесообразен реалистичный позитивистский подход. Сначала достижение устойчивых и эластично адаптационных траекторий трансформации. Затем ограниченная оптимизация трансформационных процессов применительно к областям, где обеспечена реальная мотивация рыночных и социальных предпринимателей к рациональным решениям.

Несколько слов о сугубо теоретическом дискурсе, касающемся выполненного исследования. Представленные теоретические результаты определенно не согласуются с известной концепцией институционального эволюционизма. Ее адепты обычно делают акцент на широких возможностях эволюционной адаптации контрактных и других институциональных механизмов к формирующимся общественным предпочтениям (например, [61]). Но, к сожалению, реально не приходится рассчитывать на само приближение сложившихся инерционных траекторий институциональных изменений к траекториям, соответствующим императивам устойчивости. Для их достижения безальтернативны кардинальные перемены, связанные с целенаправленными действиями в области экономической и социальной политики и долговременными институциональными и структурными реформами. Обоснование этих перемен становится возможным именно на базе системной трансформационной парадигмы.

Нельзя не признать, что реализация стратегических замыслов прогрессивного устойчивого развития и в период двадцатых натолкнется на серьезные разнообразные препятствия — источники рисков. Достаточно хотя бы упомянуть об угрозах новых техногенных катастроф, неизведанных ранее эпидемий наподобие коронавируса и этнических национальных конфликтов. Но эти препятствия в случае утверждения идеологии и практики устойчивого развития будут разрешаться приемлемым образом, без продолжительных кризисов и грандиозного социального ущерба на основе глобального, региональных и национальных консенсусов.

Литература

1. OECD 2015. How's Life? 2015: Measuring Well-being. OECD Publishing, Paris.
2. *Stiglitz J., Fitoussi J.-P., and Durand M.* 2018. Beyond GDP: Measuring What Counts for Economic and Social Performance, OECD Publishing, Paris.
3. *Sachs J.* The Age of Sustainable Development // New York: Columbia University Press. 2015.
4. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года. Итоговый документ саммита ООН, принятый 25 сентября 2015 года. <https://sustainabledevelopment.un.org>
5. *Бобылев С.Н., Соловьева С.В.* Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования, 2017, № 3. <https://cyberleninka.ru/article>
6. *Bobylev S. and Grigoryev L.* In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS // BRICS Journal of Economics, 2020, 2(1), 4–24. <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-7>

7. Purvis B., Yong M. and Robinson D. Three pillars of sustainability: in search of conceptual origins. *Sustainability Science*, 2018. № 14(3): 681–695.
8. Boström M. SSPP: A missing pillar? Challenges in theorizing and practicing social sustainability: Introduction to the special issue. *Sustainable Science Practice Policy*, 2012. 8: 3–16. <http://search.proquest.com/openview>
9. Boyer R., Peterson N., Arora P. and Caldwell K. Five approaches to social sustainability and an integrated way forward. *Sustainability*. 2016, <https://www.mdpi.com> > pdf
10. Eizenberg E. and Jabareen Y. Social Sustainability: A New Conceptual Framework. *Sustainability*, 9: 68–85. 2017, <https://doi.org/10.3390/su9010068>
11. Berkes F. and Folke C. *Linking Social and Ecological Systems: Management Practices and Social Mechanisms for Building Resilience* // N.Y.: Cambridge University Press. 1998.
12. Ostrom E. A diagnostic approach for going beyond panaceas. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America* 104(39):15181–15187. 2007, <https://doi.org/10.1073/pnas.0702288104>
13. Partelow S. A review of the social-ecological systems framework: applications, methods, modifications, and challenges. *Ecology and Society* 23(4):36. 2018, <https://doi.org/10.5751/ES-10594-230436>
14. Schlüter M., Orach K., Lindkvist E. and Martin. R. Toward a methodology for explaining and theorizing about social-ecological phenomena. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 39 (August 2019): 44–53. 2019, <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2019.06.011>
15. Giddings B., Hopwood B. & O'Brien G. Environment, economy and society: fitting them together into sustainable development. *Sustainable Development*, 2002. 10: 187–196.
16. Fisher J. and Rucki K. Re-conceptualizing the Science of Sustainability: A Dynamical Systems Approach to Understanding the Nexus of Conflict, Development and the Environment. *Sustainable development*, 2017. 25: 267–275.
17. TWI2050 – the World in 2050. 2018. Transformations to Achieve the Sustainable Development Goals. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis.
18. TWI2050 – The World in 2050. 2019. The Digital Revolution and Sustainable Development: Opportunities and Challenges. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis.
19. WBGU – German Advisory Council on Global Change. 2019. Towards our Common Digital Future. Summary. Berlin: WBGU.
20. Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G. and Fuller G. Sustainable Development Report 2019. New York: Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network. 2019.
21. Islam N. and Iversen K. From “Structural Change” to “Transformative Change”: Rationale and Implications. DESA Working Paper No. 155. 2018, <https://un.org/development/desa/publications/working-paper/wp155>
22. Transformation towards sustainable and resilient societies in Asia and in the Pacific. 2018. United Nations, Asian Development Bank, United Nations Development Program. Available at: http://sdgasiapacific.net/download/SDG_Resilience_Report.pdf
23. Полань К. Великая Трансформация // С-Пб., «Алетейя», 2002.
24. Парсонс Т. О социальных системах // М., «Академический Проект», 2002.
25. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации // М., «Академический Проект», 2003.
26. Луман Н. Социальные системы // С-Пб., «Наука», 2007.
27. Мартынов А. Об идеологии будущего мирового прогресса // Общество и экономика, 2018, № 11. С. 5–24, <https://oie.jes.su>
28. Gallopín G. Linkages between vulnerability, resilience and adaptive capacity. *Global Environmental Change*, 2006. 16: 293–303.

29. Global Sustainable Development Report. 2019. United Nations. <https://unstats.un.org/sdgs/The-Sustainable-Development>
30. Körner K., Schattenberg M. and Heymann E. Digital economics. How AI and robotics are changing our work and our lives. Frankfurt am Main. Deutsche Bank Research. 2018, http://dbresearch.com/.../Digital_economics%3A_How...
31. Korinek A. and Stiglitz J.E. Artificial Intelligence, Worker-Replacing Technological Change, and Income Distribution. NBER working paper 24174. 2017. Available at: www.nber.org/papers/w24174
32. Acemoglu D. and Restrepo, P. Artificial Intelligence, Automation and Work. NBER Working Paper No. 24196. 2018, <http://www.nber.org/papers/w24196>
33. Greening with jobs. 2018. World employment and social outlook. Geneva: ILO. Available at: https://ilo.org/weso-greening/documents/WESO_Greening_EN_web2.pdf
34. The Inclusive Growth and Development Report. 2017. Geneva: World Economic Forum. http://www3.weforum.org/docs/WEF_Forum_IncGrwth_2017.pdf
35. Барометр устойчивой трансформации бизнеса. Effie Russia, 2019. <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2019/10/barometer>
36. OECD 2019. Measuring Distance to the SDG Targets 2019: An Assessment of Where OECD Countries Stand, OECD Publishing, Paris. Available at: <https://doi.org/10.1787/a8caf3fa-en>
37. Цели устойчивого развития ООН и Россия: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Аналитический Центр при Правительстве РФ, 2016. <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11068.pdf>
38. Добровольный национальный обзор осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Аналитический Центр при Правительстве РФ, 2020.
39. Global economic prospects. (2020). June 2020. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1553-9.
40. Global economic prospects. June 2019: Heightened Tensions, Subdued Investment. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1398-6.
41. Мартынов А.В. Будущее экономик с развивающимися рынками // Международная экономика, 2020, № 9. С.27-34. DOI: 10.33920/vve-04-2009-05
42. McKinsey Global Institute. 2018. Outperformers: High-growth emerging economies and the companies that propel them. <http://www.mckinsey.com/mgi>.
43. The Global Competitiveness Report 2019. 2019. Geneva, Switzerland. World Economic Forum. <https://www.weforum.org/gcr>
44. Mazarr M. (2018). Summary of the Building a Sustainable International Order Project. RAND Corporation. Available at: https://rand.org/pubs/research_reports/RR2397.html
45. Anvari V., Ehlers N. and Steinbach R. A semi-structural approach to estimate South Africa's potential output, South African Reserve Bank. 2014.
46. Shackleton R. Estimating and projecting potential output using CBO's forecasting growth model. Working paper 2018-3. 2018, <http://www.cbo.gov/publication/53558>
47. Global economic prospects. January 2018: Broad-Based Upturn, but for How Long? Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1163-0.
48. Andersson M., Szörfi, B., Tóth, M. and Zorell N. Potential output in the post-crisis period. ECB. Economic Bulletin, 7:49-70. 2018, <http://www.ecb.europa.eu/pub/html/eb201807.en.html>
49. Alberola E., Estrada A. and Santabárbara D. Growth and imbalances in Spain: a reassessment of the output gap. Journal of Spanish economic association, 2014.5 (2-3), p. 333-356. DOI: 10.1007/s13209-014-0112-z
50. Berger H., Dowling T., Lunan S., Mrkair M., Rabanal D. and Sanjani T. Steady as she goes: estimating potential output during financial "Booms and Busts". IMF. Working Paper 15/233. 2015, <https://ideas.repec.org/p/imf/imfwpa/15-233.html>

51. *Coibion O., Gorodnichenko Y. and Ulate M.* “The Cyclical Sensitivity in Estimates of Potential Output”, *Brookings Papers on Economic Activity, Economic Studies Program, The Brookings Institution*, 2018. vol. 49(2 (Fall)), pp. 343–441.
52. *Vo D., Nguyen T., Tran N. and Vo A.* What Factors Affect Income Inequality and Economic Growth in Middle-Income Countries? *Journal of Risk and Financial Management*, 12 (1). 2019, <https://doi.org/10.3390/jrfm12010040>
53. *Cingano F.* Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, No. 163, OECD Publishing. 2014. <http://dx.doi.org/10.1787/5jxrjncwvxvj-en>
54. *Dabla-Norris E., Kochhar K., Ricka F., Suphaphiphat N. and Tsounta E.* Causes and Consequences of Income Inequality: A Global Perspective. *INTERNATIONAL MONETARY FUND*. 2015, <https://ideas.repec.org/p/imf/imfsdn/15-13.html>
55. *Bernardo G. and D'Alessandro S.* 2016. System-dynamic analysis of employment and inequality impacts of low-carbon investment in Environmental Innovation and Societal Transitions, 2. DOI: 10.1016/j.eist.2016.04.006
56. *Taylor L., Foley D. and Rezai A.* An Integrated Approach to Climate Change, Income Distribution, Employment, and Economic Growth. *Ecological economics*, 2016. 121(C):196–205.
57. *Hardt L. and O'Neill D.* Ecological Macroeconomic Models: Assessing Current Developments. *Ecological Economics*. 2017. 134, pp. 198–211. <http://www.elsevier.com/locate/ecocon>
58. Congress Budget Office. 2019. An Update to the Budget and Economic Outlook: 2019 to 2029. Available at: <http://www.cbo.gov/publication/55551>
59. *David H. and Gatti D.* 2018. Agent-based macroeconomics. *Bielefeld working papers in Economics and Management*. 2. DOI: 10.4119/unibi/2916999
60. *Dosi G. and Roventini A.* More is Different ... and Complex! The Case for Agent-Based Macroeconomics. *LEM. Working paper series*, 2019/01. 2019, <https://ideas.repec.org/p/ssa/lemwps/2019-01.html>
61. *Hodgson G.* Conceptualizing Capitalism: Institutions, Evolution, Future // Chicago: University of Chicago Press. 2015.

Arkady Martynov (e-mail: socpolamv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics Russian Academy of Sciences,

International Research Institute for Social Development, Moscow

SUSTAINABLE GENERAL SOCIAL TRANSFORMATION AS A PATH TO PROGRESS

The discussion article focuses on the fundamental issues of future sustainable progress. Taking into account the current global challenges, it seems appropriate to turn to the universal concept of systemic stability, the property inherent in one way or another to all social practices, and not limited to those that only reflect the interaction between society and the environment. In accordance with this concept, a realistic design of institutional changes in conjunction with resource and organizational-behavioral changes required for sustainable development are intended to occur in the mainstream of a systemic general social transformation.

As follows from the above argumentation, the transition to a sustainable general social transformation is real in the case of a synergistic implementation of achievable fundamental shifts.

Keywords: sustainable progress, social system transformation, institutions; technological, demographic and climatic changes.

DOI: 10.31857/S020736760013405-4